

303	0248-01	ГЛЕБ СЕМЁНОВ	"Размышления на вокзале"	Часть 1 "Ева и Адам"
304	0248-02	ГЛЕБ СЕМЁНОВ	"Размышления на вокзале"	Часть 2 "Всё мало мне"
305	0248-03	ГЛЕБ СЕМЁНОВ	"Размышления на вокзале"	Часть 3 "Люди-пассажиры"
306	0248-04	ГЛЕБ СЕМЁНОВ	"Размышления на вокзале"	Часть 4 "Всех убитых дети"

"Размышления на вокзале" (Коренблит – Семёнов)

Часть 2 "Всё мало мне"

1(29). Незнакомка	– 2.23
2(30). Апрель сорок пятого	– 1.26
3(31). Попробуй-ка останови	– 1.30
4(32). Послевоенный сад	– 2.08
5(33). Ночное такси	– 1.47
6(34). Автопортрет	– 1.46
7(35). Утро хорошего дня	– 1.33
8(36). О мудрости	– 1.21
9(37). Городу	– 1.55
10(38). Сухие листья жгут	– 1.40
11(39). Городской романс	– 1.31
12(40). Ёлка	– 1.41
13(41). Опять январь	– 2.34
14(42). Утро в январе	– 1.19
15(43). Вроде сказки	– 1.53
16(44). Мне снятся деревья	– 1.22
17(45). Бессмертие	– 1.51
18(46). Вот женщина	– 2.06
19(47). Две стороны любви	– 1.21
20(48). Глоток голубизны	– 1.33
21(49). На озере	– 2.17
22(50). Всё мало мне	– 1.08
23(51). Сколько ж было	– 2.16
24(52). Как обмануть себя?	– 1.15
25(53). "Я – любил"	– 0.56
26(54). Расставание	– 1.31
27(55). Ну что же	– 1.39
28(56). Так случилось	– 2.30
29(57). В такси	– 1.14
<i>Общее время звучания – 49.26</i>	
<i>Общее время звучания – 188.28</i>	

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 2 "Всё мало мне"

1. НЕЗНАКОМКА

Красивая, с тяжелой головой, —
пила — и не перебивала.
Невестой и подругой фронтовой,
всем и ничем за жизнь перебивала.
Затягивайся, слушая пластинку,
хрипящую о вечности весны
под чей-то смех, под водку, под сурдинку.
Колечки медленно пускай

поверх дурацкого бокала.
И туфелькой покачивай... Пускай
за локоток берет тебя лукаво
твой спутник!.. Песенка томит...
Поддайся уверениям мотива,
что рядом есть другой какой-то мир,
где все, что ни случится, обратимо,
где все не так, а в такт, и все легко...
И туфелькой покачивай, и думай,
как мало, в сущности, легло
между тобой и той девчонкой-дурой!
Подкрась большие губы... Заспеш...
Пускай возьмет машину твой приятель.

...Что память сердца, даже боль души
перед томящей памятью объятий?!

2. АПРЕЛЬ СОРОК ПЯТОГО

Мы вдоль Невы с тобою шли.
И ночь, густевшая в зените,
на нет сходила постепенно
к слиянью неба и земли.
И месяц — тонкий, как рисунок,
и увеличенный в размерах —
за нами двигался вдали.

А за решеткой Летний сад
наискосок ходил по клетке, —
весь в теневых своих шатаньях:
бесшумен, вкрадчив, полосат.
Теперь, закрытый на просушку,
свою ручную довоенность
он вернуть решил назад.

И довоенной высоты достичь
примеривались шпили;
зарей сквозили колокольни,
водой подсвеченной — мосты.
Мы вдруг посмели на минуту
забыть самих себя вчерашних —
и я, все помнящий, и ты...

3. ПОПРОБУЙ-КА ОСТАНОВИ

Встречались мы и расставались.
И, повторенные стократ,
шаги ночные раздавались
вдоль набережных и оград.

А улицы все не кончались,
тянулись от зари к заре,
А пристани всю ночь качались
и в августе, и в сентябре.

А люди жили и кружили,
и накружиться не могли:
дружили — и не дорожили,
любили — и не берегли.

И отсветы электросварок
прохватывали их насквозь,
швыряли их на своды арок
и распинали вкривь и вкось.

И плакали они, и пели,
и умирали от любви.
...Остановить бы все в апреле!
Попробуй-ка останови...

4. ПОСЛЕВОЕННЫЙ САД

Здесь люди лежат... Постоим...
Лежат, потеряв имена.
Над ними трава, и звезда, и весна,
и жизнь — по законам своим.
Лежать на траве воспрещается. Сад.
Афиши у входа гласят,
что танцы в саду. Радиола вдали...

...А люди лежат, как легли...

Веселая музыка, легкий мотив.
Танцуют живые, подруг обхватив.
Взметается пыль из-под их каблучков —
на травы, на траур железных венков,
на память во веки веков.

...Лежат под единой звездой...

А где-то, в таком же веселом саду,
галдели, глядели сквозь лист молодой
они на свою звезду.
А где-то, запретам любым вопреки,
лежали в траве.
Еще выходные на них пиджаки,
и обе — у каждого две — руки...

...Да разве же стопчешь траву до земли?
Вовсю зеленеет земля.
На летнюю форму в садах перешли
молоденькие тополя.

5. НОЧНОЕ ТАКСИ

Сквозь огни, сквозь туман
мы идем, гулёны,
сам подкатывает к нам

ночник зеленый.

Легкий домик твой, такси,
ни богат, ни беден!
Ты фонарик погаси,
мы сейчас поедем.

Ездит в домике любой,
он для всех удобен,
Вот сейчас мы с тобой —
постояльцы в доме.

Постояльцы, поезжалыцы,
покатальцы просто так...
Ты, шофер, над нами сжалься —
не разговаривай, чудак!

Не разговаривай, чудак, —
все совсем не просто так!

Это кажется, что просто
все бывает у людей...
...Мчат навстречу нам, по росту,
фонари с площадей.

Фонари... фонари...
отсветы по лицам...
ничего не говори —
пусть все это длится!
Этажи... этажи...
Лишь ладони потуши
о мои ладони...

Убегают две души
от одной погони!

6. АВТОПОРТРЕТ

А я, наверное, смешон, —
ты не находишь? — Я как будто
среди одетых — нагишом
и босиком — среди обутых,
и холодно, и стыдно мне,
а я ничуть не озабочен,
чтоб отвернуть лицо к стене
от неминуемых пощечин.

Пусть на меня еще никто
не показал, но то-то смеху,
что я не просто без пальто,
не застегнуть забыл прореху,
не спьяну попугать горбом
решил, — а даже вроде назло

не утыкаюсь в стену лбом,
как бы подлить желая масла.

С высокомерием шута,
в богоизбранничестве некоем —
держу усмешку возле рта
вполоборота перед веком
и, неудачник средних лет,
подозреваю, что, быть может,
одет ли я, или раздет,
так никого и не встревожит.

7. УТРО ХОРОШЕГО ДНЯ

Я лишнего наговорил, не верь!
Пришел домой — пустынная свобода.
Всего и остается мне теперь,
как если бы я не был здесь полгода,
раскрыть окно...
Я знаю — и твое растворено:
мы на одном рассветном виадукке...
Ты спишь... На берегу большой разлуки
бесстрашно спишь...
Спи... Между нами столько крыш!
Спи... Столько неба между нами,
что не могу — не о тебе!
Пронизанный насквозь твоими снами,
прописанный в ночной твоей судьбе,
дышу — высоко и нетрудно,
без даже облачка стыда...

...Ах, только бы любить тебя всегда,
как в это утро!

8. О МУДРОСТИ

В самый раз, пожалуй, мудрым
напоследок объявиться! —
Вот проснусь однажды утром
и забуду удивиться.

Свищет птица — что ж такого,
светит солнце — так и надо.
Ко всему душа готова,
ничему душа не рада.

Я тебе назначу встречу
потому, что ты просила.
Ради истины замечу,
что сегодня ты красива.

Смолкнет птица — что ж такого,
сядет солнце — так и надо.
Нет ненайденного слова,

нет потерянного взгляда.

Бестревожно спится мудрым:
мир — как дважды два четыре.
И не жаль однажды утром
не проснуться в этом мире!

9. ГОРОДУ

Все будет позже... Я прохожий.
И я один в твоём саду.
Иду и — Господи ты Боже! —
пустой скамейки не найду.

С какою щедростью последней
колени женские слепят!
И разрастанье желтой сплетни
безличнее, чем листопад.

Лоснится лень, дурит беспечность,
сиротство комкает платок. —
Всех обесцвечивая, вечность
струит безумный холодок.

Простая, в сущности, простуда,
сырая формочка в руке.
Ни горя впереди, ни чуда
в толпе, ни выхода к реке!

Хожу садовыми кругами
с полуулыбочкой кривой, —
и листьев больше под ногами,
чем было их над головой.

10. СУХИЕ ЛИСТЬЯ ЖГУТ

Сухие листья жгут.
Идем с тобой садами.
Безвинной казни ждут
свидетели свиданий.

Доверчивость тех дней
карается законом.
Лишили их теней,
изъяли птичий гомон.

Октябрь лениво-мглист,
и небо опустело.
Деревья отреклись
и топчутся без дела.

И сад средь бела дня
сквозь дым неузнаваем...
Нет дыма без огня,

уж мы-то это знаем!

11. ГОРОДСКОЙ РОМАНС

Уляжется грохот и скрежет,
уснут пешеходы, —
окно твое наискось брезжит
сквозь годы и годы.

И узник тщеты и шумихи,
я издали вижу:
огонь поднимается тихий
все выше и выше.

Средь ветра, над каменной кручей,
в кромешном просторе
горит горячо и горяче —
и горе не в горе.

Как будто давнишнего лета
застыла зарница;
как будто вопрос без ответа
все длится и длится;

как будто бы музыка где-то,
далече-далече...
Всего-то в окошке и света —
от встречи до встречи!

12. ЁЛКА

О детской елке, праздничной и скромной,
мы вспоминаем часто и теперь,
но уж никто из детской полутемной
нам не грозит, приотворяя дверь.

А за дверьми, чуть ветви разминая,
еще без украшений, без креста,
морозная, пахучая, сквозная,
от света зябко вздрагивала та,
что в лакомства, фонарики, хлопушки
являлась нам одетая всегда,
и радостно торчала на макушке
наивная, стеклянная звезда.

Но только нам приходится все чаще
не в теплой детской дома своего,
а на ветру, под елью настоящей
справлять свое скупое торжество.

Теперь она одета в грузный иней,
в стеклярус из окрепнувшего льда,
и светит нам примерзшая к вершине,
суровая Полярная звезда.

13. ОПЯТЬ ЯНВАРЬ

Опять январь какой-нибудь. Морозно.
Крючок с подпития вгрызается в кадык.
Я гость. И время за полночь. И поздно
признаньями вывихивать язык.

Но говорю... Нет сладостней науки:
по памяти, вращаясь, чуть дыша,
дома и мостики разменивать на звуки,
забыв, что место действия — душа.

Тот переулочек — ах, куда лежит он!
Кислинка зимняя, вяжась, влетает в рот.
И двести лет щемящ и неожидан
канала бессловесный поворот.

Какой грамматикой, каким произношением
я не унижу город мой в снегу?!
И дереву — с его ночным движеньем —
как про себя, приезжий, не солгу?

Я задыхаюсь... Усмехаюсь... Надо
сказать бы «сад», а говорится — «суд».
Послушай, не из этого ли сада
когда-нибудь мое дыханье унесут? —

Прямая речь! Она еще слетает
с январских губ, обмолвкой голубой
клубится в воздухе и на ресницах тает,
И нам с тобой — всегда как нам с тобой.

14. УТРО В ЯНВАРЕ

Бывает утро в январе:
дом из фарфора, дым из ваты
и — голубые на дворе —
в саду сугробы розоваты,
игольчат воздух, и следы
вокруг колодца из слюды.

Тончайшей индевью берез
даль разрисована, и мнится,
морозит вовсе не всерьез,
наивным лобзиком синица
выпиливает каждый звук, —
ни слез на свете, ни разлук.

Не на крыльце чужом стою
пути земного посредине —
вбежал я в детскую свою,
истосковавшись в карантине,
и — как тот мальчик лет шести —

не смею взгляда отвести.

15. ВРОДЕ СКАЗКИ

Присмирей, доверься, слушай,
мхом подножным не шурши.
Высота — особый случай
в смутном опыте души.

Мы и сами в эту зиму
настоялись на ветру.
Ты сестру мою осину
за свою считай сестру.

Неказиста, кособока
и не так уж молода,
а душа летит высоко, —
ах, куда летит, куда?

Мимолетный призывок счастья
в горьких листьях растворен.
Вроде сказки, шелестящей
с незапамятных времен.

Вроде дождичка грибного
с незапятнанных небес...
позабудь, что завтра снова
будет вечности в обрез!

16. МНЕ СНИТСЯ ДЕРЕВЬЯ

А дело идет к февралю...
Вчерашнего сада унылость...
Я сплю. Я, наверное, сплю.
И снится мне... Что же мне снилось? —
Шараханье ног и копыт.
Повальное бегство в Египет!
И тополь обидой кипит,
береза и плачет, и гибнет.
И липу, безумную дочь,
сквозь ветер ведут на аркане. —
Деревья бежали всю ночь,
лицо закрывая руками.
О беженцы! Сад опустел.
Все голо и все нелюдимо...
Я вздрогнул, я сел на постель,
я понял: и ты уходила. —
Моя уходила любовь,
твое уходило доверье...
А вот засыпаю — и вновь
мне снятся деревья, деревья!

17. БЕССМЕРТИЕ

Я засыпал и просыпался,

ловил твой взгляд и снова ник.
Тысячелетиям равнялся
дремоты обморочный миг.

И так, в двойном существованье,
тебя я видел, сам не свой,
то — женщиною на диване,
то — деревом над головой.

Я твоего касался тела,
я жил от общего тепла,
и вдруг — ты кроной шелестела,
ветвями по небу текла.

Я засыпал и просыпался,
ловил твой взгляд и снова ник.
И с лиственным переплетался
твой человеческий язык.

Я называл тебя любимой,
существовал в твоей крови,
а ты была боготворимой,
неуязвимой для любви.

И сам я, в камень превращенный,
лежал, беспамятен и тих,
твоей красою осененный,
там, у древесных ног твоих.

18. ВОТ ЖЕНЩИНА

Вот женщина, которую люблю.
За нею следом вьюга — у-лю-лю.
Фонарь скрипит... А переулок спит...
Вот женщина — глоток моих обид!

Горячий и соленый мой глоток!
А переулок спит... Фонарь скрипит...
Заиндевел у женщины платок.
А под ногами — лед моих обид.

Полварежки всего-то и тепла...
Скользи до следующего угла...
Ах, если бы забыть, как ты любила:
вот падаешь, а было два крыла!

19. ДВЕ СТОРОНЫ ЛЮБВИ

Вам — лестница, нам — пять минут тепла.
Вам вверх взмывается, нам топчется на месте.
Вам хлопается дверью честь по чести,
нам хлюпается носом мал-мала.

Вы хмуритесь, в прихожую вошед,

мы балагурим в вихре снежной пыли.
Для вас постель — о если б вы любили!
Для нас метель — любовнейший сюжет!

Нет, не завидуем — жалеем... Знали б вы,
насколько дышится острее и откровенней!
Мир состоит из двух местоимений —
по ту и эту сторону любви.

20. ГЛОТОК ГОЛУБИЗНЫ

Окраины, окраины...
Развалины зимы...
Неужто на трамвае мы
сюда завезены?

Сквозящие кварталы,
стандартный неуют.
Грачи орут картаво,
что ордер не дают.

А нам того не треба,
мы выйдем за дома —
здесь сколько хочешь неба
дается задарма.

Бери любой участок
и стройся, и живи.
Не будет здесь несчастных —
все только по любви.

И что такого, если
на миг предположить:
не здесь ли, ах не здесь ли
и нам с тобою жить?!

Окраины, окраины...
Как будто у весны
нечаянно украли мы
глоток голубизны.

21. НА ОЗЕРЕ

Последние льдины, как первые лебеди.
Качается небо под ними.
Прибрежные заросли в шопоте, в лепете.
Волна головы не поднимет.

Я лодку возьму, оттолкну, и запенится
Вода, расступаясь пред нею,
И в легкое дно застучится, как пленница,
И вновь за кормой побледнеет.

Измерю пол-озера взмахами длинными,

Взгляну — и как будто приснится:
Что раньше казалось последними льдинами —
И впрямь уже первые птицы!

22. ВСЁ МАЛО МНЕ

Все мало мне, все мало!.. Некрасивым
стал: непростым, недобрым, не твоим. —
Насущный хлеб мой пахнет керосином.
Сад за окном уложен в нафталин.
И тишина — в недавних пятнах крика,
и вязнет недосказанность в зубах...
А ты — вся в чешуе своих забав —
показываешь звездочку: смотри-ка! —
Как далеко до нашей той звезды,
и ничего-то, бедная, не значит!
А чуть приглашенный зрачок беды
в замочной скважине маячит...

23. СКОЛЬКО Ж БЫЛО!

Сколько ж было!.. А было... и жгло.
Неужели со мной это было?
Поросло. Или сплыло.

Вот, казалось, любовь навсегда.
Дальше некуда вроде, казалось! —
И следа не осталось.

Не осталось следа, говорю...
Нет, не то что забыл, а не помню.
Не курю — и легко мне.

И легко пожимаю плечом.
Да когда и вздохну тяжелее, —
ни о чем не жалею.

Так и чувствую, как с высоты
шаг за шагом спускаюсь я к дому...
Ну а ты? По-другому?

24. КАК ОБМАНУТЬ СЕБЯ?

Я не люблю тебя... Я не хочу любить...
Но не из глины же любимую лепить?! —
Как притвориться мне, что я настолько глуп,
как двери притворить — и доискаться губ,
и от истоков уст пуститься к устью ног...
Как обмануть себя, что я не одинок?!

.....
Что мне слова твои? Усталостью нежна,
ты сложишь крылышки, жена и не жена.
Игравшая с волной, присядешь на волну. —
Я обману тебя — себя не обману!

...Присядешь на волну — игравшая с волной?..
Уйди... Нет, погоди! Еще побудь со мной.

25. «Я – ЛЮБИЛ»

Любовь... О господи, любовь!
Любила — не любила...
Чурайся, ерничай, злословь,
забудь, как это было,

не верь, что было не уснуть,
все перепутай даты —
и все ж до гроба счастлив будь,
что мог любить когда-то. —

Когда под шорох грозных крыл
держать ответ придется,
шепни одно лишь: «Я — любил», —
и жизнь тебе зачтется!

26. РАССТАВАНИЕ

Дождем застилало долины,
а нас только брызги слепили.
Сгущенней, чем запах полыни,
был дух прибываемой пыли.
И все через миг просыхало;
эпоху сменяла эпоха:
вселенная благоухала
от кашки до чертополоха.

Он выполнен был как загадан,
восторг ежедневного мира;
особенно перед закатом
в груди от восторга щемило:
он плыл, простираясь без края,
над нами, слепцами своими.
Горели кресты, не сгорая,
во славу его и во имя.

Большое согласное пенье
с вечерних земель поднималось...
Все наши с тобой откровенья —
такая пустячная малость!
Такая бессмертная милость —
мгновение наше любое!..

Уж лучше бы все это снилось,
а то — расставаться с тобою...

27. НУ ЧТО ЖЕ

Ну что же... всяческого счастья
хозяевам... пора и честь!.. —
Не стой на лестнице, прощайся,

хотя ещё минутка есть,
хотя, конечно, есть минутка,
ещё успеешь на метро!..

И вот — его кривая шутка,
и вдруг сверкнувшее мертво
её кольцо, её ладошка
в ладони медлящей твоей,
и света щель из-под дверей, —
всё отдаляется немножко
и застывает навсегда...

И не минута, а года
текут; ушёл последний поезд;
старее женщина, — уже
я ни о чём не беспокоюсь:
С печалью лестничной в душе
всё не могу начать разлуку...

Наверно, кто-нибудь другой —
в поклоне пожимая руку —
ступеньку пробует ногой.

28. ТАК СЛУЧИЛОСЬ

Так случилось... Права разрыдаться
нет ни у тебя, ни у меня.
Медлим, обреченные расстаться,
посредине голубого дня. —

На вокзале? Может, на вокзале...
На углу? Наверно, на углу...
Все, чего касаемся глазами,
рассыпается в золу.

Нам ли уберечься от распада?!
Я и ты — и вдруг ни я, ни ты...
Ах, какая тонкая преграда
отделяет нас от пустоты!

Будет все: деревья, ветер, птицы,
город и цветы, и облака
полдень будет так же суетиться,
полночь будет так же глубока.

Петься и любиться будет людям...
и вино... и мы навеселе...
Верю, даже счастливы мы будем,
только *нас* — не будет на земле!

Не посмеем помнить друг о друге...
Может быть, когда-нибудь потом —
встретимся, и ты уронишь руки,

шевелинешь непоправимым ртом.

Гордые твои когда-то губы —
милые... о чем они?.. Стоим
со своей неистовостью глупой,
со святым неистовством своим.

На вокзале? Может, на вокзале...
На углу? Наверно, на углу...
Все, чего касаемся глазами,
рассыпается в золу.

Как сейчас: в безумных клубах дыма
посредине голубого дня...
... Ну, иди! Вовеки будь любима!
И не надо плакать... за меня.

29. В ТАКСИ

Я не хочу твоей тоски.
Еще чего не легче!
Я выбегу, схвачу такси —
как женщину за плечи.

И — в ночь, во тьму, в побег, в полет!
Свободой оскормлюсь...
Навстречу город весь полег,
разбрызгивая скорость.

Я вырвусь камнем из пращи!
А ты твердишь про счастье. —
Прощай-прости, прощай-прости:
я точка в пространстве!

Один на весь на черный свет —
и нет меня на свете!
Радиомачты тянет вслед
двадцатое столетье.

Огни сползают с мокрых щек.
На память бы с собой их!..
А счетчик — только щелк да щелк
без всяких перебоев.